

Вадим Дамье

**Левый
интернационализм и
Вторая мировая война**

Левый интернационализм и Вторая мировая война

*** ***

Вадим Дамье

|| POCKET EDITION || OCTOBER 2024

- pocketedition.noblogs.org
- pocketedition@riseup.net

Сохранились документы и воспоминания, позволяющие судить о том, как восприняло начало Второй мировой войны население различных стран. Свидетельства из Франции, Британии, Германии сходятся: простые люди встретили ее со страхом и безнадёжностью. Настроения разительно отличались от того милитаристского и патриотического угара, каким характеризовалось начало Первой мировой войны. Однако к концу обеих войн настроения изменились на прямо противоположные. Первая мировая закончилась волной революций, и они отражали преобладающие ощущения в обществе: Долой социальную систему, порождающую войны, долой старый мир! Из Второй мировой страны-победители вышли, напротив, в атмосфере торжества идей нации и ее независимости, национального единства в борьбе с внешним врагом, национальной солидарности и социального партнерства в рамках и на благо существующей капиталистической и государственнической общественной системы.

Чем можно объяснить такое разительное отличие?

Историки и идеологи ссылаются обыкновенно на то, что

Вторая мировая война, дескать, носила совсем иной характер, нежели Первая. Ведь это была война с фашизмом, говорят они. Но разве фашизм не явился порождением и логическим развитием той же капиталистической и государственнической системы? Разве противоречия и конфликты между интересами государств, столкнувшихся в ходе Второй мировой войны не вытекали прямо и непосредственно из столкновений межгосударственных интересов в ходе и в итоге Первой войны? Разве Вторая война не была, в конечном счете, борьбой за мировое господство между двумя основными империалистическими блоками: реваншистским (стремящимся пересмотреть итоги Первой войны) и антиреваншистским? Так что аргумент о «характере» военного пожара ничего не объясняет.

В ходе Первой мировой войны, по мере изменения общественных настроений с про- на антивоенные, интернационалистским левым, бывшим вначале небольшим меньшинством, удалось обрести силу и массовость и способствовать последующему революционному взрыву. Под «интернационалистской» позицией стали понимать отказ от поддержки любой из воюющих сторон, призыв к превращению империалистической войны в классовую войну и

социальную революцию. Однако в ходе Второй, интернационалисты остались маргинальной силой и так и не смогли наложить печать на развитие событий. Почему? Думается, что причины этого следует искать в состоянии общества и в положении самих левых сил.

Прежде всего, стоит внимательнее присмотреться к тому, что произошло в мире в исторический период между двумя войнами. Наибольшую роль здесь сыграли следующие факторы:

а) Поражение мировой революции 1917–1923 гг. и последующих социально-революционных попыток, вплоть до Испанской революции 1936 г. С этим было связано широко распространившееся разочарование в обществе, неверие трудящегося класса в свои силы и в возможность самоорганизации;

б) Сдвиги в организационной и производственной структуре самого индустриально-капиталистического общества. В межвоенный период возобладала модель «фордизма – тейлоризма», то есть разделения труда на мелкие специализированные операции, механизация труда, подчинение производителя машине и ее ритмам, становление массового производства. Психологическими последствиями стали растущее непонимание работниками

смысла, цели и хода производственного процесса в целом и на своем предприятии, неверие в возможность контроля трудящегося над производством, представление о необходимости эффективного руководства со стороны государства и квалифицированного менеджмента, сокращение потенциала для движений за производственное и общественное самоуправление, растворение особой «рабочей культуры» с нормами и ценностями, альтернативными капитализму.

в) Складывание «массового», «атомизированного» общества (Х.Арендт) и порождаемый им феномен «бегства от свободы» (Э.Фромм). Распространение идей национализма и этатизма, отражающих тягу людей к новому «псевдо-сообществу».

г) «Великий кризис» 1930-х гг., который также вел к росту экономического и политического национализма и к расширению функций и полномочий государства, независимо от его политического режима.

Очевидно, что общественные условия к моменту начала Второй мировой войны оказались в целом крайне неблагоприятны для радикальной самоуправленческой социальной альтернативы. Наступило положение, которое писатель В.Серж метко назвал «полночью века».

Отражением общего социального положения служило и состояние левых сил.

Социал-демократия в межвоенный период зашла и еще дальше по пути полной интеграции в индустриально-капиталистическую систему. Теперь она полностью и безоговорочно была заражена государственно-патриотической идеологией. Войдя в правительства большинства европейских стран, социал-демократы превратились в со-руководителей государств антиреваншистского блока и, тем самым, в носителей государственных (империалистических) интересов.

Левые социалисты во Франции, Британии и других странах оставались слабыми группами, которые колебались между пацифизмом и идеей силовой защиты демократии от фашизма. Интернационалистских лозунгов в духе «война – войне» они, по существу, не выдвигали, а с началом войны были в большинстве случаев обречены на бездеятельность.

Просоветские коммунисты (сталинисты) не могли и не хотели повторить антивоенные лозунги большевиков периода Первой мировой войны. Их позиция определялась тремя основными факторами. Во-первых, политикой Советского Союза как государства со своими интересами и диктуемой этими интересами политикой

союзов. Компартии ориентировались на зигзаги внешнеполитического курса Москвы (поддержка Германии против антиреваншистов в 1920-х гг., антигерманский блок с Францией и Чехословакией в середине 1930-х гг., пакт с Германией в 1939–1940 гг. и война с ней после июня 1941 г.). Во-вторых, стремлением партий обрести массовую базу за счет уступок массовым настроениям, о которых говорилось выше, то есть, за счет национальных и патриотических лозунгов. В-третьих, логикой «меньшего зла», характерной для любого реформистского «антиутопизма» (в качестве таковой рассматривалась буржуазная демократия, по сравнению с фашизмом). В итоге, войдя в Народные фронты, компартии поддерживали гонку вооружений, военные приготовления и авторитарные меры в антиреваншистских («демократических») государствах под «антифашистскими» лозунгами.

Троцкисты оказались, в связи с войной, в плену противоречий, которые были характерны для позиции их вождя Л.Троцкого. С одной стороны, тот утверждал, что «эта война вызовет, как мы твердо убеждены, пролетарскую революцию» и также «приведет к свержению бюрократии в СССР». С другой, он продолжал настаивать, что любой революционер обязан защищать

Советский Союз как хотя и «бюрократически деформированное», но все же «рабочее государство», что вызвало замешательство среди его сторонников и уход той их части, которая воспринимала сталинское государство как эксплуататорское и империалистическое. Троцкий заявлял, что «на мировой арене мы не поддерживаем ни лагерь союзников, ни лагерь Германии». И в то же время, незадолго до гибели он замечал, что в побеждённых странах «к социальному гнёту присоединяется национальный», а нацистская «тоталитарная диктатура чужеземного завоевателя есть самая невыносимая из всех форм диктатуры». По существу, он поддержал национально-освободительное движение в странах, оккупированных Германией – движения под национальными лозунгами.

Серьезными противоречиями в связи с войной раздиралось и анархистское движение. Официально большинство анархистских организаций не поддержало ни одну из воюющих сторон, осуждало империалистический характер войны и призывало к социальной революции как средству раз и навсегда покончить с войнами. «За войной между нациями должна последовать война между классами». Соответствующие заявления были сделаны Международной ассоциацией трудящихся (МАТ, анархо-

синдикалистским Интернационалом), большинством ее страновых секций, федерациями и группами анархистов. Но на практике позиция отдельных организаций и активистов могла существенно различаться. Так, шведские синдикалисты (составлявшие в тот момент Секретариат МАТ) хотя и призывали трудящихся «не доверять» демократиям, тем не менее, характеризовали фашизм как «врага номер один». Это означало следующее: «В фашистских странах рабочие должны стараться совершить социальную революцию, провоцируя поражение собственного правительства, а в странах, подвергшихся фашистскому вторжению, они также должны стремиться к социальной революции, но не облегчая победу фашизма». Против тактики «меньшего зла» выступили анархо-синдикалисты Аргентины, Уругвая, Франции, голландские, часть итальянских и других анархистов. Они заявили, что главным врагом является капитализм во всех его вариантах (включая госкапитализм в Советском Союзе), а потому не следует поддерживать ни фашистские, ни «антифашистские» государство, но необходимо подрывать военные усилия со всех сторон, вести экономическую борьбу трудящихся и ориентироваться на революцию. Польские анархисты открыто выступили на антигерманской стороне. Что касается десятков тысяч

испанских анархистов, укрывшихся за рубежом Испании после победы франкизма в гражданской войне, то многие из них считали, что они просто продолжают свою, давно уже идущую борьбу с фашизмом – если надо, то вступая в союзы с другими силами...

В общем и целом, можно сказать, что на интернационалистской позиции в период Второй мировой войны оставались лишь небольшие группы анархистов и левых коммунистов. Выражаясь словами Розы Люксембург, они «спасли честь» левых. Не ограничиваясь провозглашением своей альтернативы, они пытались, по мере сил, вести интернационалистскую работу среди населения и солдат. Группы выступали против поддержки какой-либо из воюющих сторон, против единства трудящихся с господствующими классами во имя «победы», «национального единства» или «национального освобождения», за «третий фронт» (точнее, «третий лагерь» – пролетарский), за развертывание классовой борьбы и превращение империалистической войны между государствами в социальную революцию. Иными словами – за то, чтобы Вторая мировая война завершилась революционным путем, подобно Первой. Тем не менее, интернационалистские организации были весьма

разными по своей идеологии и придерживались различной стратегии и тактики борьбы (в том, что касается использование вооруженных или невоенных методов, этапов борьбы, допустимых союзов и т.д.).

Характерен пример Франции, где левый истеблишмент (социалисты и коммунисты) влились в ряды буржуазного Сопротивления и играли в нем самую видную роль. Компартия с 1941 г. открыто провозгласила национально-патриотические лозунги, призывала «убивать бошей», бороться за национальное освобождение Франции и восстановление «величия Родины». Французские троцкисты раскололись на тех, кто склонялся к поддержке Сопротивления (группа вокруг газеты «Веритэ» и Комитета за IV Интернационал), и тех кто надеялся вписаться в вишистскую систему («Национально-революционное движение» во главе с Жаном Ру с газетой «Революсьон франсэз»). Некоторые бывшие члены троцкистской группы «Ля Коммюн» (Анри Молинье и Дено) вошли в фашистскую партию, созданную бывшим социалистом М.Деа. Анархистское движение как связанная сила распалась после начала войны и особенно с германской оккупацией. Некоторые активисты в индивидуальном порядке заняли выжидательные позиции, кто-то примкнул к Сопротивлению, как и часть испанских анархистов-

эмигрантов (другие выступили против сотрудничества с нелибертарными силами).

Интернационалистскую работу во Франции в период войны вело несколько подпольных организаций; многие их члены подверглись арестам или были казнены.

Анархистская «Интернациональная революционная синдикалистская федерация» действовала в Тулузе, Марселе и других городах Юга; лидеры – российский анархист В.Волин и А.Аррю. Она издавала журнал «Ля Расон», брошюры и листовки; призывала солдат всех армий побрататься и обратить свои штыки против тех, кто шлет их в бой, а трудящихся – к революционному восстанию против фашистов, голлистов, демократов и сталинистов, против капиталистов любой национальности. Группы «Революционных коммунистов Германии» (лидер – Георг Шойер) и «Революционных коммунистов Франции» откололись от троцкистского движения, считая Советский Союз империалистическим, а затем и госкапиталистическим государством. Действовали в основном на Юге, с 1944 г. в Париже, издавали бюллетени и газеты на немецком и французском языке («Спартак», «Фратернизасьон пролетарьен», «Интернационал», «Ле Пролетер», «Пувуар увриер» и др.). Группы критиковали «немецких фашистов», «ангдлофильских фашистов» и

сталинистов, вели агитацию среди рабочих и в немецкой армии, призывали солдат восстать и создать солдатские Советы, а трудящихся – покончить с войной, совершив мировую революцию и установив республику беспартийных Советов. В августе 1944 г. «революционные коммунисты» возглавили в Париже забастовку рабочих завода «Рено», но она была подавлена при помощи компартии. Еще одно интернационалистское течение сложилось в 1941 г. в Париже вокруг бывших швейцарских коммунистов П. и К. Тальманов. Их «Революционная пролетарская группа» (позднее – Союз интернациональных коммунистов) имела многонациональный состав: в нее входили французы, немцы, евреи, испанцы, итальянцы, югославы, венгры, русские, поляки; издавала «Ревей пролетарьтен» и «Ля Фламм». Члены группы обличали империалистический характер войны со всех сторон (включая Россию) и призывали превратить ее в гражданскую войну против всех группировок капиталистов, за всемирную республику Советов. В качестве немедленных мер предлагались: интернационалистская агитация, пропаганда братания между солдатами и рабочими, поддержка борьбы трудящихся за экономические требования, борьба против депортации трудящихся в Германию... Группа укрывала

преследуемых нацистами и евреев, помогала ведению интернационалистской агитации среди немецких солдат: она печатала подпольную газету группы немецких солдат в Бресте «Арбайтер унд Зольдат». Хотя солдатское подполье было раскрыто, а ее участники подверглись репрессиям, данный опыт можно считать принципиальным доказательством возможности такой интернационалистской работы, даже в рядах нацистской армии. Можно только представить себе, что было бы, если бы ее поддерживали не небольшие группы, а тысячи левых активистов, которые вместо этого последовали за коммунистическими и социалистическими вождями по пути «национально»-мотивированного Сопротивления? Группы «революционных коммунистов» и группа Тальманов принципиально не сотрудничали с буржуазным Сопротивлением, но контактировали между собой, вели агитацию среди троцкистов и левых социалистов.

В Италии коммунисты и социалисты активно участвовали в антифашистском Сопротивлении на стороне государств антигитлеровской коалиции. Компартия призывала сражаться против фашизма, за демократию и против иноземного врага – немцев. Даже итальянские троцкисты прибегали к националистической риторике: делали призывы к спасению «наших родных» от «тевтонских

зверств». Интернационалистскую борьбу в стране вели, прежде всего, итальянские левые коммунисты (бордигисты) и часть анархистов. Их надежды питал рост классовой борьбы трудящихся в Италии и Германии: стачки немецких рабочих в ноябре 1941 г. и последующие изолированные забастовочные выступления 1942 г., всеобщая забастовка на заводе «Фиат» в Турине в октябре 1942 г., массовые стачки итальянских металлургов, пищевиков и рабочих химической промышленности в марте 1943 г. (в ходе их молодые рабочие в Турине и Милане, вопреки коммунистам, призывали создавать фабрично-заводские Советы), всеобщая стачка итальянских рабочих в Германии в 1943 г., частично поддержанная немецкими рабочими...

Итальянские бордигисты создали многотысячную Интернационалистскую коммунистическую партию, издававшую газету «Прометео» и пользовавшуюся существенным влиянием на ряде предприятий Турина, Милана и Пармы. Бордигисты выступали против «национальной войны», призывали бороться не только против фашизма и германской оккупации, но и против любого капитализма, в том числе демократического и выступающего под флагом антифашизма. Вначале они отрицательно относились к антинемецкому партизанскому

движению, но затем стали допускать его превращение в пролетарскую самооборону против капитала. Бордигисты старались способствовать росту классовой борьбы на предприятиях и созданию «единого пролетарского фронта» на интернационалистских основах. Их партнерами по такому фронту во многих местах оказались анархисты. Итальянские анархисты на конференции в Генуе в 1942 г. утвердили стратегию своеобразной «перманентной революции»: начавшись как борьба с фашизмом, она должна была затем, в их представлении, непосредственно перерасти в антикапиталистическую социальную революцию. Анархисты активно создавали партизанские отряды (в некоторых участвовали тысячи бойцов) и смогли освободить ряд населенных пунктов Северной Италии. Но организовать классовое сопротивление против англо-американских войск, занявших Северную Италию в 1945 г., у них уже не было сил...

Весьма активную работу вели во время Второй мировой войны интернационалисты Голландии. Здесь они были представлены левыми коммунистами, левыми социалистами из группы «Искра» и анархистами. Крупнейшая организация «Фронт Маркса-Ленина-Люксембург» (ФМЛЛ) была образована в начале 1941 г. во

главе с бывшим троцкистом Снеевлином. Она состояла из ячеек по 5 человек и объединяла до 600 активистов; издавала подпольный журнал «Спартак» тиражом в 5 тыс. экземпляров. Первоначально группа не выступала против «защиты СССР», но в остальном четко придерживалась линии «Третьего фронта»: против фашизма, буржуазной демократии и сталинизма, против буржуазии немецкой, голландской и английской, за братание солдат и рабочих воюющих стран, за развитие классовой борьбы и пролетарскую революцию. Активисты ФМЛЛ, коммунисты – сторонники беспартийных Советов и анархо-синдикалисты играли видную роль во время всеобщей стачки голландских рабочих в 1941 г. После ареста Снеевлина нацистами в 1942 г. руководство ФМЛЛ сменилось; к организации примкнули и коммунисты – сторонники беспартийных рабочих Советов. После этого она была переименована в «Союз коммунистов «Спартак»», окончательно отказалась от идеи «защиты СССР» и признала империалистический характер войны со всех сторон. Голландские «спартакисты» и анархо-синдикалисты стояли у истоков движения за революционные фабрично-заводские производственные профсоюзы в стране в 1945 г...

В Великобритании интернационалистскую деятельность вела часть анархистов и троцкистов, причем, если первые выступали за уклонение от службы в армии (некоторые из них были в связи с этим репрессированы), то троцкисты призывали рабочих идти в армию и создавать там рабочие Советы. Издававшаяся анархистами и левыми интеллектуалами газета «Уор комментари» (позднее – «Фридом») обличала империалистический характер войны и призывала продолжать классовую борьбу. Некоторые из анархистов, все же вынужденных пойти в армию, принимали участие (вместе с троцкистами) в движении за создание солдатских Советов в британской армии в Египте (1946 г.). Анархо-синдикалисты активно поддерживали стачку в Глазго в 1944 г.

Несмотря на героическую активность интернационалистов многих стран, Вторая мировая война не закончилась, в отличие от Первой, революцией. Между тем, правители государств мира считали такое развитие событий вполне возможным и боялись его. Достаточно упомянуть о том, что накануне начала войны французский посол в Германии и Гитлер пытались «образумить» друг друга и уговорить не начинать боевые действия, поскольку победителем может оказаться не одна из воюющих сторон, а революционеры. Отчеты нацистской службы

безопасности в Германии почти до самого конца войны отражали страх перед тем, что война может закончиться «новым 1918 годом».

Но эти опасения не сбылись. Революционное брожение, сотрясавшее Европу в период между двумя мировыми войнами, после Второй мировой войны прекратилось. В итоге войны укрепились институты государства (буржуазно-демократического и сталинистского), национализм, механизмы «национального единства» и «социального партнерства». Идеология внеклассового «антифашизма», общности интересов «верхов» и «низов» стала обоснованием нового витка в развитии капиталистического господства. За «национальным единством» ради государственного освобождения во время войны последовало «партнерство труда и капитала» при посредничестве государства в мирное время, за верностью «своей стране» – «лояльность своей фирме, своему предприятию». Так закладывались основы «кейнсианского компромисса» и «социального государства» в последующее «золотое тридцатилетие». Война с ее массированным уничтожением основного капитала и последующим восстановлением открыла новый цикл капиталистического накопления. Войдя в правительства западных стран (1945–1947), министры-

коммунисты ради «восстановления» помогали подавлять забастовки и независимые социальные движения. А Восток континента оказался под властью госкапиталистического блока; победа в войне укрепила позиции Сталинского режима. Поражение интернационалистской исторической альтернативы предрешило судьбу Европы и мира на долгие десятилетия – вплоть до сего дня. То, что война не завершилась революцией, похоронило левую революционную перспективу. На смену первой, революционной» половине века пришла вторая – эпоха капиталистического и госкапиталистического «порядка».

НЕТ ВОЙНЕ! စစ်ဆန့်ကျင်ရေး
GEGEN KRIEG

NO WAR!!

CONTRE LA GUERRE

ضد الحرب

ПРОТИ ВІЙНИ

CONTRA LA GUERRA

전쟁 반대!!

反戰 反对
 反對 战争
 戰反 战争
 戰爭 反对

